

АВТОРСКАЯ ИРОНИЯ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ ДЖ. Г. БАЙРОНА «DON JUAN»)

Е. С. Готовцева

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»*

AUTHOR'S IRONY IN THE PROCESS OF COMMUNICATION (BASED ON BYRON'S POEM "DON JUAN")

E. S. Gotovtzeva

*Military Training and Scientific Center of the Air Forces
"Air Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin"*

Аннотация: данная статья посвящена иронии, ее сущности, способам выражения, особенностям, роли и значению в обществе. Цель работы – рассмотреть примеры иронии в произведении Байрона, определить авторскую ироническую позицию, а также используемые при этом лингвостилистические средства выражения иронии и изучить когнитивный и коммуникативно-прагматический аспект иронии в примерах из «Дон Жуана». В статье рассматриваются понятия «когнитивный аспект» и «ироническая картина мира», «коммуникативный» и «прагматический» аспекты и их особенности в ироническом дискурсе. Также внимание уделяется интерпретации иронии как сложной коммуникативной задаче. Рассматривается внешний и внутренний контекст, их особенности и роль в интерпретации иронии, а также категория «автор» в художественном тексте. При этом были использованы методы дистрибутивного, компонентного, дифференциального, текстового анализа, индукции и дедукции. В результате исследования определена авторская позиция, объекты и средства выражения его иронии, ее особенности, роль и значение в обществе. Рассмотрен когнитивный, коммуникативно-прагматический аспект, ироническая картина мира, внешний и внутренний контексты, их особенности и роль в понимании иронии в выбранном произведении.

Ключевые слова: ирония, функция, контекст, эмоции, картина мира.

Abstract: the article is devoted to irony, its nature, ways of expressing, features, its role and meaning in the society. The goal of the article is to examine the examples of irony in G. Byron's poem, to define the author's ironical position, and the linguostylistic means of expressing irony, which were used, and to examine the communicative-pragmatic aspect of irony in the examples from "Don Juan". In the article such terms as "cognitive aspect", "ironic worldview", "communicative" and "pragmatic" aspects, their features in ironic discourse are examined. The attention is also paid to the interpretation of irony as a difficult communicative task. Inner and outer contexts are examined, their features and role in irony interpretation as well as the category of "author" in a literary text are discussed. Research methods of distributive, component, differential, text analysis, induction and deduction were used. As a result, the author's ironical position is defined, the objects of his irony, and the means of expressing them, their features, role and meaning in the society. Also, communicative-pragmatic aspect, ironical worldview, inner and outer contexts were examined, their features and role in understanding irony in the chosen work.

Key words: irony, function, context, emotions, worldview.

Введение

В современных исследованиях иронии существует большое разнообразие различных точек зрения и

представлений широкого междисциплинарного диапазона: ирония вызывает споры философов, культурологов, психологов, филологов, социологов. Несмотря на то, что ирония привлекает внимание исследо-

© Готовцева Е. С., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

вателей, начиная с эпохи Античности, до сих пор не существует единого мнения относительно ее природы, специфики, социальных функций, сущности, роли и значения иронии в обществе, возможности открытия универсальных законов ее функционирования и т. д. Среди функций иронии одна из важнейших – коммуникативная. Она основана на потребности взаимопонимания, более устойчивого эмоционально-ценностного контекста, более сильного впечатления при экономии выражения эмоций, на потребности высказаться, когда возможности невелики, при этом привлечь внимание собеседника, заинтересовать его предметом обсуждения.

Языковая личность автора пользуется разнообразными эмотивными средствами для экспликации своей индивидуально-авторской *иронической картины мира*. При этом, как нам представляется, авторский иронический дискурс реализует, в первую очередь, авторскую субъективную модальность и будет носить (носить) преимущественно «персональный» характер. Авторский иронический дискурс, как и сам иронический дискурс – дискурс превосходства, предполагающий внеположность всему, что он объективирует.

По мнению Г. Н. Косикова, ироническая позиция сама представляет собою надежное идеологическое убежище, откуда, находясь в полной безопасности, можно критиковать кого угодно и что угодно.

Материал и методы

Цель данной работы – рассмотреть примеры использования иронии в произведении Байрона «Дон Жуан», определить авторскую ироническую позицию и используемые лингвостилистические средства ее выражения, а также коммуникативно-прагматический аспект. В исследовании будут применены метод лингвистического, лингвостилистического, дистрибутивного, компонентного, дифференциального анализа, индукции и дедукции. Материал исследования – произведение Байрона «Дон Жуан».

Результаты исследования

Ирония образует особую картину мира, дифференцированную временными и пространственными координатами, в частности, эпохами, стилями эпохи, странами, этносами. Уточним, что под понятием «картина мира» многие исследователи, в том числе З. Д. Попова и И. А. Стернин, понимают «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [1, с. 36].

Ироническая картина мира основывается на несоответствии цели – средствам, субъективной интенции – ограниченности ее самореализации, формы – содержанию, сущности – ее проявлению, действия – обстоятельствам, реальности – представлениям о ней,

старого – новому, представленных в асимметрично-игровой и амбивалентно-аксиологической позиции участников коммуникации, объединенных дискурсивным событием – текстом.

Ирония – это способ связать язык и реальность и одновременно разделить их. Поэтому для понимания постмодернистской трактовки иронии оказывается важным понятие интерпретации. Для лингвистического исследования вербальной иронии это означает необходимость уделять внимание роли адресата в понимании иронии. Интерпретация субъективна, следовательно, у адресата есть возможность выбора способа понимания текста (модуса интерпретации) – серьезного или игрового [2, с. 45].

Для реализации иронического послания необходимы как минимум две системы ценностей: утверждаемая в качестве идеала и отвергаемая без очевидной коммуникативной агрессии, в игровой амбивалентности. Игра – обязательный компонент, основа иронии становится единственным способом взаимодействия с миром. При таком подходе ключевыми становятся понятия отношения автора, маски, притворства и отстраненности. Писатель, подобно актерам, притворяется, надевает маску, отстраняясь от собственного текста [2, с. 48].

Теоретики реалистического искусства устремили свои поиски к тому, чтобы универсализация иронии не препятствовала пониманию подлинной сути изображаемого, не делала предмет изображения беспомощной игрушкой в руках художника, не превращала ироническую игру в самоцель (Ч. Диккенс, У. Теккерей).

С точки зрения Бергсона, смех и остроумие – составные формы иронии, являющиеся средством отрицания, разоблачения старых понятий и установлений, а также представляющие собой игровое начало. Философ А. Бергсон пишет об иронии следующее: «Иногда, притворяясь, говорят о должном как о существующем в действительности: в этом состоит ирония» [3, с. 67].

По Л. Витгенштейну, ирония дает возможность философу подниматься над любым догматическим способом рассмотрения реальности, становясь универсальным средством в борьбе с косным мышлением, мифами и стереотипами сознания, что, по его мнению, является высшим предназначением философии [4, с. 5].

У Ю. Б. Борева ирония – явление смеховой культуры, одна из форм особой эмоциональной критики, при которой за положительной оценкой скрыта острая насмешка. Л. И. Тимофеев рассматривает иронию и сарказм как промежуточные формы между юмором и сатирой. По его классификации, юмор, принимает явление в целом, смеется над частными недостатками; сатира отвергает все явление целиком; ирония и сар-

казм занимают среднее положение при такой градации. Как отмечает А. В. Розсоха, существуют примеры возникновения иронии лишь на повторении слов собеседника.

К. М. Шилихина отмечает, что ирония – явление дискурсивное, возникает в процессе коммуникации как результат совместных действий говорящего и адресата и является одним из режимов несерьезного модуса дискурса. Этот модус отсылает адресата к несуществующей ситуации или представляет реальную ситуацию странным, необычным образом [2, с. 83].

В эпоху романтизма ирония приобрела универсальный характер, став адекватным отражением философской и творческой позиции, связанной с сомнением в существовании какой-либо окончательной истины, с полной переоценкой несовершенной реальности и всей сложившейся системы ценностей «устаревшего мира». Кроме того, универсальными качествами романтиками было наделено понятие «игры», распространявшегося как на Универсум, Разум, так и на внутренний мир человека. И если ирония констатировала кризис позитивного знания и передавала состояние неразрешимого противоречия между желаемым и действительным, то игра предоставляла возможность гармонизировать такое противоречие в гипотетической эстетической модели, создаваемой художником – богом в своем субъективно-объективном ирреальном мире. Романтизм утверждал самоценность духовно-творческой жизни личности, изображал сильные страсти и характеры, одухотворенную природу. Ирония как принцип мироотношения предопределяла в творчестве романтиков и композиционно-художественную игру противоположностями: реальным и фантастическим, возвышенным и прозаическим, разумным и алогичным.

Ирония как художественный прием

У Байрона ирония является одним из тех выразительных средств, которыми он добивался сильнейшего эффекта от своих произведений у читателя. Ее особенности – разочарование и меланхолия, депрессия, «мировая скорбь» – стали ведущими мотивами, которые определили эмоциональную тональность произведений писателя. Ирония Байрона направлена на критику существующих как на его родине, так и в мире целом, порядков. «Дон Жуан» – яркий пример этого, что и обусловило актуальность этой работы.

Ирония Байрона в поэме в противостоянии – сближении основных философских категорий: безобразного и прекрасного, ничтожного и возвышенного, необходимого и свободного, ложного и истинного, реального и идеального, механического и живого, формы и содержания:

«Julia was – yet I never could see why –
With Donna Inez quite a favourite friend;
 Between their tastes there was **small sympathy,**
 For **not a line had Julia ever penn'd:**
 Some people whisper but **no doubt they lie,**
 For malice still imputes some private end,
 That Inez had, ere Don Alfonso's marriage,
 Forgot with him her very prudent carriage...» [5, p. 387].
 «В нежнейшей дружбе – странный род
 влечения!

С Инесой донна Юлия была,
 Она, однако, не любила чтенья,
 Пера же просто в руки не брала.
 Но, впрочем, я слышал предположенье
 (Хотя молва завистлива и зла),
 Что в юности Альфонсо и Инеса
 Окутывались облаком Зевеса» [6, с. 200].

В этом случае, рассуждая о «нежнейшей» дружбе женщин с совершенно разными интересами, что создает иронический эффект, автор представляет целую палитру притворства, обоюдного межличностного и социального лицемерия, при этом с неочевидным утверждением честности как нормы.

В следующем примере, используя метафору «**Мороз и успокоит, и остудит!**» и эпитеты, представляя мотивацию «северной строгой морали» (подразумевается – английской), автор скрывает негативное отношение к ней и одновременно выражает сомнение в самом факте ее существования.

«Happy the nations of **the moral North!**
Where all is virtue, and the winter season
Sends sin, without a rag on, shivering forth
 («**T was snow that brought St. Anthony to reason**» [5, p. 379].

«О, нравственные северные люди!
 О, мудрый климат, где любой порок
 Мороз и успокоит, и остудит!
 Снег, я слышал, Антонию помог...» [6, с. 192].

Возвышаясь над обозреваемым им миром, автор обладает разнообразными формами соприсутствия в тексте (дискурсе), как, например, в его шутивно-ироническом рассуждении, где автор очерчивает круг вербализованных проблем и тем своей поэмы:

«My poem 's epic, and is meant to be
 Divided in twelve books; each book containing,
 With **love, and war, a heavy gale at sea,**
 A list of **ships, and captains, and kings** reigning,
New characters; the episodes are three:
 A **panoramic view of hell 's in training,**
 After the style of **Virgil** and of **Homer,**
So that my name of Epic 's no misnomer» [5, p. 389].
 «Эпической была наречена
 Моя поэма. В ней двенадцать книг,

**Любовь, страданья, бури и война,
И блеск мечей, и тяжкий лязг вериг,
Вождей, князей, героев имена,
Пейзажи ада, замыслы владык:
Все без обмана, в самом лучшем стиле,
Как нас Гомер с Вергилием учили»** [6, с. 210].

Ему ненавистны деспоты и душители свободы, но, в сравнении «Unlike» с лицемерным ханжеством английской Елизаветы I, которая «всю жизнь скупала, скупаясь платить», человеческие слабости любвеобильной Екатерины II, которая «всем давала жить», для него предпочтительнее:

«Love had made Catherine make each lover's fortune,
Unlike our own half-chaste Elizabeth,
Whose avarice all disbursements did importune,
If history, the grand liar, ever saith» [5, p. 542].
«Екатерина всем давала жить,
С ней нашу не сравнить Елизавету
Полуневинную; скупаясь платить,
Всю жизнь скупала королева эта» [6, с. 300].

Он прекрасно знает сильные и слабые стороны человечества, от венценосцев до рядовых людей, простых мужчин и женщин, но научился смотреть на их слабости с добродушной насмешкой, рассуждая, как золото влияет на людей, «владеет» всеми и всем. Автор поэмы отвечает грозным оружием беспощадного сарказма (являющимся наиболее очевидной и критической разновидностью иронии) всем, кто отличался и продолжает отличаться в бесчеловечности, неумной жажде обогащения любыми средствами:

«Thrones, worlds, et cetera, are **so oft upset**
By commonest ambition, that when passion
O'erthrows the same, we readily forget,
Or at the least forgive, the loving rash one.
If Antony be well remember'd yet,
'Tis not his conquests keep his name in fashion,
But Actium, lost for Cleopatra's eyes,
Outbalances all Caesar's victories» [5, p. 568].
«А **золото владеет** и дубравой
(Когда деревья рубят на дрова!),
И тронами царей, и бранной славой
И на любовь известные права
Имеет, ибо Мальтус очень здраво
Нам это изложил, его слова
Нас учат, что супружеское счастье
У золота находится во власти!» [6, с. 450].

Автору в поэме, даже в большей степени, чем герою, свойственна вся полнота человеческих чувств, прежде всего отраженных в лирических отступлениях или попутных комментариях к самопроявлениям героя. Это высокообразованный, поседевший, тридцатилетний, умудренный жизнью и собственными

ошибками поэт, разочарованный в социокультурном жизнеустройстве своей страны и мира:

«But **Time, which brings all beings to their level,**
And sharp **Adversity, will teach at last**
Man, – and, as we would hope, – perhaps the devil,
That **neither of their intellects are vast:**
While **youth's hot wishes in our red veins revel,**
We know not this – **the blood flows on too fast;**
But as the torrent **widens** towards the ocean,
We ponder deeply on each past emotion» [5, p. 539].
«Но **время всех умеет примирить,**
А разные **напасти научают**
Людей – и даже черта, может быть,
Что **безграничным разум не бывает.**
Лишь в **юности горячей крови прыть**
Стремит мечты и мысли затмевает;
Но, приближаясь к устью наших дней,
Мы думаем о сущности страстей» [6, с. 402].

Категория «автор» в лингвоэстетическом дискурсе и в художественном тексте – это одновременно особый уровень этих коммуникативно-эстетических образований, а также интегративная и интегрирующая структура и внутренний стержень художественного произведения. С помощью авторской модальности она скрепляет все единицы текста и дискурса в единое смысловое и структурное целое, реализует его концепции, точки зрения, позиции и отражает оценку сообщаемой художественной информации в свете системы утверждаемых им ценностей [7, с. 300].

В поэме «Don Juan» авторская дистанция по отношению к изображаемому внешнему миру отражает позицию хорошо осведомленного, мудрого и сочувственного наблюдателя и комментатора, а также неоднозначное интеллектуальное, аксиологическое и эмоциональное отношение Байрона к явлениям действительности. Don Juan – вызов автора сложившейся традиции, соблазняемый герой не волен выбирать направление своего движения. Пассивное включение героя в меняющиеся обстоятельства не вносит явных изменений в новое для него социокультурное пространство. Инокультурные образования предстают перед ним в «естественном», «натуральном» состоянии.

Кроме того, уже само название поэмы обозначает намерение автора представить альтернативную систему ценностей, ориентированную на разоблачение официальной воинственной и бесчеловечной лжеморали и утверждение высших гуманистических ценностей: счастья, любви, наслаждения жизнью, честности и внутренней свободы. При этом борьба Байрона за эти ценности носит «мягкий», неявный характер, вместе с иронией, композицией, игрой и разнообразием иронической палитры, активностью

персонажей. Не слишком, но возвышаясь и над героем, и над устаревшим миром, приняв на себя роль критически мыслящего созерцателя, автор дистанцируется от героя, от его как бы другой системы ценностей, от иного культурного опыта и душевного строя. Ирония Байрона романтическая, это сложный выразительный прием, который часто непросто рассмотреть за большим количеством мыслей и смыслов.

Коммуникативно-прагматический аспект иронии в художественном тексте

Когнитивный аспект иронии и образуемой ею иронической картины мира (ИКМ) и смысла проявляется в путях и приемах иронической вербализации на всех языковых уровнях, в реализации безграничного потенциала риторических и стилистических фигур, объективирующих античность (антиномичность, амбивалентность) иронической картины мира в субъективной модальности авторского иронического дискурса [2, с. 50].

Коммуникативно-прагматический аспект иронической картины мира соответствует особому виду коммуникации, в процессе которого возникает иронический эффект, объективируемый в индивидуальной авторской иронической картине мира. Адресант в прагматической ипостаси иронического дискурса (автор произведения) вступает с адресатом-читателем в своеобразную игру-обманку, выдавая истинное за ложное и наоборот. Одним из имплицитных маркеров такой игры становится градуированная ироническая дистанция, зависящая от иллокутивного смехового, наступательного (до прямой сатирической и саркастической агрессии) воздействия автора на читателя [8, с. 210]. На выбор адресантом использования иронических замечаний могут влиять как личностные, так и ситуационные экстралингвистические факторы.

Ирония предъявляет повышенные требования не только к инициатору речи, но и к ее получателю, используя инструменты интеллектуальной рефлексии и декодирования неявной иллокуции (интенции). Иронический дискурс может быть составной частью авторского и персонажного дискурса внутри художественного текста или, что гораздо реже, полностью совпадать с самим текстом-событием и сформированным на его основе лингвоэстетическим дискурсом. Однако может и превосходить один текст и его дискурс, расширив свои масштабы до группы объединенных по разным основаниям произведений или даже художественного стиля, включающего в себя множество произведений мировой культуры и литературы [9, с. 10].

Инициатор иронического послания возвышен как неявный, но безусловный судья, взвешивающий разные системы ценностей и регулирующий сами весы, добываясь относительного игрового равновесия

между теми и другими противостоящими аксиологическими картинами мира и их компонентами.

Стремясь к большей выразительности и к интенсификации перлокутивного эффекта, автор при помощи средств выражения экспрессивности текста и контекста вводит специфические элементы передачи смысла, в частности, в иронический текст (произведение) и дискурс элементы парадокса, амбивалентности, сатиры, многосторонней метафоричности и т. д. В любом случае иронический дискурс востребует собственные специфические и нестандартные средства его реализации [8, с. 100].

В результате сложилась традиция понимания прагматической сферы языка как эффективности использования языкового выражения в плане воздействия на поведение коммуникантов. Попыткой взглянуть на язык и речь через призму действий коммуникантов и определить значение высказывания как его употребление в конкретных обстоятельствах явилась теория речевых актов, в фокусе исследования которой находятся акты речи и контексты их осуществления.

Прагматический аспект в ироническом высказывании описывает сочетание иллокутивной и семантической составляющих, что находит отражение в тех теориях, где ирония рассматривается как троп, находящийся на стыке семантики и прагматики, с ярко выраженной иллокутивной силой, заключающейся в насмешке над кем-либо или чем-либо.

В частности, Р. М. Желтухина утверждает, что «характер выражаемых эмоций при иронии – это легкое неодобрение, осуждение. Степень понимания адресатом данного вида комического (иронии) средняя и низкая. При положительно-отрицательном показателе оценочного знака доминирует эксплицитно-имплицитная манера выражения оценки. Степень контраста планов выражения и содержания высокая, а преобладающими лингвистическими средствами являются антифразис, контраст, иносказание» [10, с. 9].

Ирония – это способ связать язык и реальность и одновременно разделить их. Поэтому для понимания постмодернистской трактовки иронии оказывается важным понятие интерпретации. Для лингвистического исследования вербальной иронии это означает необходимость уделять внимание роли адресата в понимании иронии. Интерпретация субъективна, следовательно, у адресата есть возможность выбора способа понимания текста (модуса интерпретации) – серьезного или игрового. То есть адресат должен не только распознать ироническую интенцию говорящего, но и решить, какова цель иронии в данной ситуации: установление отношения доминирования, критика или похвала объекта иронии, агрессия и т. д. Адресат выбирает тот вариант интерпретации высказывания, который представляется ему наиболее

предпочтительным (салиентным) в данной ситуации [3, с. 71].

Первое, на что обращает внимание адресат, – это собственно вербальная составляющая (так называемый внутренний контекст [11, с. 42]). Именно она служит сигналом наличия иронии. Кроме внутренне-го, есть также внешний контекст – ситуация, в которой участвуют все три стороны: говорящий, адресат и объект иронии. Внутренний контекст принципиально отличается от внешнего и является почвой для множества интерпретаций. Внешний контекст функционирует как набор ограничений, позволяющих интерпретировать высказывание как ироническое. Оба контекста играют различную роль в интерпретации иронии. Чтобы адресат мог сделать вывод о несовпадении значения высказывания со значением говорящего, внутренний контекст должен содержать сигналы этого несовпадения. Их роль – предупредить адресата о наличии дополнительного значения. Ключ к интерпретации высказывания как иронического лежит за пределами самого высказывания, поэтому адресат должен обратиться к контексту внешнему, который может содержать сигналы различной сложности. Языковые средства позволяют делать эти сигналы достаточно разнообразными [11, с. 43].

Примером явного сигнала могут служить кавычки (они становятся заместителями невербальных сигналов, что помогает адресату распознать истинное отношение автора к объекту иронии), избыток восклицательных знаков, тире, которые передают высокую эмоциональность персонажей [11, с. 46]. Например, «Julia, my love! – Oh, Julia!» [5, с. 100], «Alas! The love of women! It is known to be a lovely and a fearful thing!» [5, с. 110].

Ироническое высказывание может быть связано с другим текстом или высказыванием. Внешним сигналом такой связи двух текстов (и двух ситуаций) становится игра слов. Внутритекстового сигнала достаточно для понимания, что значение высказывания и значение говорящего не совпадают. Для дальнейшей интерпретации цели иронии адресат должен обратиться к внешнему контексту. Иногда это требуется для определения того, кто или что является объектом иронии, в других случаях – для определения того, какое именно отношение к объекту передает говорящий через иронию [11, с. 60].

Разделение контекстов на внешний и внутренний является в значительной степени условным. В реальной коммуникации выделение адресатом вербальных сигналов иронической интенции и ситуативных ключей происходит одновременно. Кроме того, оба контекста динамически взаимодействуют друг с другом. Поэтому чаще всего в процессе интерпретации иронического высказывания адресат опирается и на вербальную составляющую, и на знание внешней

ситуации. Разнообразие вербальных сигналов иронии гарантирует понимание скрытой интенции говорящего [11, с. 62].

Заключение

Авторский иронический дискурс – это коммуникативное событие и одновременно процесс, соотносимый с когнитивными процессами в сознании коммуникантов, на которые оказывает влияние внеязыковая информация и которые объективируются совокупностью языковых и экстралингвистических средств. Среди функций иронии одна из важнейших – коммуникативная. Она основана на потребности взаимопонимания, более устойчивого эмоционально-ценностного контекста, на потребности более сильного впечатления при экономии выражения эмоций, на потребности высказаться тогда, когда возможности высказывания невелики, привлечь при этом внимание, заинтересовать собеседника предметом обсуждения. Любое высказывание, от простого «ага» до многочасового выступления, является результатом сложного, хотя и не всегда осознаваемого процесса отбора и комбинирования языковых знаков. При этом ирония становится частью речевой стратегии и коммуникативно-значимым феноменом, когда главный внутренний мотив – воздействовать на адресата и заставить его изменить свое поведение или точку зрения на данную ситуацию, а внешний мотив – моделирование коммуникативной ситуации. Сравнивая разные страны и обстоятельства, смотря на людей разных обществ, байроновский герой, а за ним и сам автор делают вывод о том, что в сравнении с неким вечным идеалом духа все в одинаковой степени достойно порицания и насмешки. Ирония Байрона – сложный выразительный прием, который не просто рассмотреть за большим количеством мыслей и смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова З. Д., Стернин. И. А. Семантико-когнитивный анализ языка : монография. Воронеж : Истоки, 2006. С. 36.
2. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 399 с.
3. Бергсон А. Смех. М. : Искусство, 1992. 127 с.
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М. : АСТ, Астрель ; Мидгард, 2010. 256 с.
5. Byron G. G. N. Selected Poems. London : Penguin Books, 1996. 830 p.
6. Байрон Д. Г. Дон Жуан. М. : Правда, 1982. 400 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2000. 477 с.
8. Серл Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. 276 с.

9. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

10. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.

11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970. С. 42–43.

REFERENCES

1. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantico-cognitive language analysis. Monograph. Voronezh: Sources, 2006. 36 p.

2. Shilihina K. M. The discourse irony practice: cognitive, semantic and pragmatic aspects: An Abstract for obtaining Doctor's degree in philology. Voronezh: VGU, 2014. 399 p.

3. Bergson A. Laughter. M.: Iskusstvo, 1992. 127 p.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Готовцева Е. С., преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: elenagotovtzeva@mail.ru

Поступила в редакцию 26 декабря 2021 г.

Принята к публикации 28 марта 2022 г.

Для цитирования:

Готовцева Е. С. Авторская ирония в процессе коммуникации (на материале поэмы Дж. Г. Байрона «Don Juan») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9295>

4. Vitgenshtein L. Culture and a value. About credibility. M.: AST, Astrel, Midgard, 2010. 256 p.

5. Byron G. G. N. Selected Poems. London: Penguin Books, 1996. 830 p.

6. Byron G. G. N. Don Juan. M.: Pravda, 1982.

7. Karasik V. I. A Language circle : a person, concepts, a discourse. Volgograd: Break, 2000. 477 p.

8. Serl D. R. The classification of illocutionary acts. The new in a foreign linguistics. Edition 17. Moscow: Progress, 1986. 276 p.

9. Karasik V. I. About types of discourse. In: *A language person: an institutional and personal discourse: a collection of scientific papers*. Volgograd: Break, 2000. Pp. 5–20.

10. Jeltuhina M. R. The specificity of speech influence of a trope in a mass media language: An Abstract for obtaining Doctor's degree in philology. M.: Text, 2004. 44 p.

11. Lotman Yu. M. A literary text structure. M.: Art, 1970. 477 p.

Military Training and Scientific Center of the Air Forces "Air Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin"

Gotovtzeva E. S., Lecturer of the Foreign Languages Department

E-mail: elenagotovtzeva@mail.ru

Received: 26 December 2021

Accepted: 28 March 2022

For citation:

*Gotovtzeva E. S. Author's irony in the process of communication (based on Byron's poem "Don Juan"). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 2. Pp. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2022.2/9295>*